

Юрий Соколов

АФРИКАНСКИЕ
ОТКРОВЕНИЯ
БАНГА

12+

Юрий Соколов

Африканские откровения Банга

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Соколов Ю. А.

Африканские откровения Банга / Ю. А. Соколов — «ЛитРес:
Самиздат», 2015

В книгу вошли рассказы про Африку. Многие факты взяты из личных воспоминаний о времени работы в ООН и рыболовных организациях. Также есть немного фантастики.

Содержание

НАДЕЖДА	6
АДЕНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ	13
ИСХОД МИХАЙЛИНА	15
Михайлину было о чем подумать. Вчера на него вышли американцы и предложили в обмен на провал поставки оружия сепаратистам в Сенегале довольно большую сумму, достаточно большую, от такой не отказываются. Он пытался понять, как они узнали.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юрий Соколов

Африканские откровения Банга

НАДЕЖДА

Александр Юдович, ведущий сотрудник бюро прогнозов погоды, держал в руках очередную подготовленную неутешительную сводку усиления ветра, готовое штормовое предупреждение. Расчеты показывали, что наводнения не избежать, но что-то не давало до конца поверить этому. Погода изменчива, особенно ураганы: куда он повернет, только он один знает точно. Надо, конечно, быть готовым ко всему, но, с другой стороны, рекомендовать эвакуацию тысяч людей можно, лишь когда сам уверен в факте неотвратимости катаклизма на все сто процентов. Случись в прогнозе ошибка – и население встретит следующее предупреждение как минимум с прохладцей, при этом выскажут о синоптиках такое, что не захочешь больше прикасаться к своей работе.

Он вспомнил молодость, когда ходил в море сам. После окончания высшей мореходки в Калининграде попал в «Мортрансфлот», на судах которого обошел весь шарик неоднократно.

Это было в Южно-Китайском море. Они перегоняли транспортное судно из Мурманска через Сингапур в Петропавловск-Камчатский. Обычный перегон на Дальний Восток. В те времена в Охотском море ловили рыбу, и транспортных единиц не хватало, поэтому перегоняли суда из Европейского бассейна. Шли в балласте, попутный груз не получился. Хотя ради него судно вернули с рейда Порт-Саида в Новороссийск, и там они проторчали три недели, ожидая каких-то замороженных кур. Не дождались и пошли, как всегда, в аварийном порядке, догонять упущенное по вине береговых головотяпов, между прочим, время.

Транспортный рефрижератор, четыре трюма, длина чуть больше ста метров, рулевая рубка расположена в корме, так что из нее видны все грузовые операции на всех четырех номерах транспорта. До Сингапура добежали быстро и без приключений, обыкновенный рейс. Однажды только на переходе в Индийском океане старый старпом расхвастался на мостике перед молодыми рулевыми.

«Чайки – это души погибших моряков», – сказал он, увидев, как несколько птиц окружили рубку, и дал гудок. Птицы, не зная, какой высокой оценки они удостоились, от испуга наддали да так, что вахтенные долго оттирали смотровые окна от въедливых испражнений чаек, поминая старпома крепкими неласковыми словами из морского лексикона.

В противовес старпому капитан – молодой кавказец – был горд своим судном и самим собой. С такими ходить в море хорошо, если все проходит гладко, ибо море гонора не любит, а начальству это нравится – напористый, строптивый, знает, чего хочет.

По выходе из Сингапура получили карту погоды, такие уведомления давали несколько береговых станций обеспечения прогнозами, включая и расположенные на нашей территории. Чьи прогнозы более точные – судить сложно, хотя станция на Гуаме давала прогноз для ВМФ США и редко когда ошибалась. По прогнозу выходило, за Филиппинами по курсу судна идет ураган «Надежда». Таких около десятка проходит с Тихого океана ежегодно. Разгоняется такой ветер по всей длине Тихого океана и выплескивает волны на китайский берег, круша на своем пути все и вся. Да, не все шторма смертельные для судов. На волне можно устоять и дожидаться, когда ветер стихнет, если уж попал в море в передрагу.

Стали в дрейфе, укрывшись за островом Лусон, там же, где и еще шесть или семь судов, следующих параллельным курсом. Принимаемые через каждые шесть часов карты с прогнозами развития урагана показывали, что стоять там, подрабатывая машиной, чтобы держать волну по носу, дня три. Сказать, что команда чувствовала себя комфортно, нельзя, ибо ветер все равно дул с такой силой, что дверь из рулевой рубки на крыло мостика можно было открыть только двумя руками, а то и с помощью вахтенного матроса. С волн сдувало барашки, и свистело, и стонало, и рычало клокочущее море.

Ели по расписанию, но тарелку держали одной рукой крепко, качая ее в такт бортовой качке. Неровен час, и на себя выплеснуть можно было. Хотя в таких условиях не все люди могут есть и даже пить. Однако в этом экипаже большинство моряков были со стажем, и качка лишь усиливала аппетит.

От низкого давления голова была тяжелой, любые движения вызывали ненависть у организма. После суток такого простоя и работы на волну и беспросветного, в смысле солнца не было видно, ожидания ослабления ветра настроение медленно приближалось к нулевой отметке, шуток становилось все меньше. Конечно, были и здесь забавные казусы. Огромный чан с борщом не был принаитован к плите и слетел на пол. На полу же, следуя направлению бортовой качки, стал гоняться за поваром. Повар в белом фартуке и колпаке, сам белый стоит у стенки и ловит направление движения чана, а зеваки, раскрыв рот и затаив дыхание, смотрят: увернется ли кок в очередной раз. Обошлось. Чан с ревом врезался в переборку, и борщ выплеснулся на стенку и повара, окрасив его белую форму красным содержимым. Возгласы радости, и снова уныние от продолжающейся бесконечной болтанки без движения.

И вот радостная весть. Ураган отвернул от своего маршрута и пошел на север. Ура! Впереди открытая дорога, пусть не «шоссейная», а «с ухабами», но следовать ей можно. Здоровый дух экипажа воспрянул, снова засветились глаза и веселей стали злые шутки истосковавшихся по берегу мужиков. Вот тут бы капитану и проявить восточную мудрость и подождать до утра, а с утренним прогнозом и пошли бы потихоньку... Но решение было принято без колебаний. Вперед и только вперед. Рыбаки простаивают, им некуда девать рыбу.

Ну а ураган думал по-другому. Как неприятельский стратег думает, чтобы уничтожить врага. Пройдя немного на север, ураган вдруг развернулся и пошел прямо навстречу в лобовую атаку. Судно выскочило из-под укрытия острова первым из всей группы судов, ведомых, наверное, более умудренными, а может, просто ленивыми капитанами. Поэтому, когда ураган встретил его в открытом месте, никого рядом не было.

Надеяться на помощь в урагане «Надежда» оказалось делом безнадежным. Конечно, все надели спасательные жилеты, некоторые со страху даже каски надели. Чего только не делают люди с испуга. Когда волна прокатывалась через все сто метров корпуса судна, а корпус дрожал от соприкосновения с тоннами воды, экипаж дрожал вместе с корпусом. Самое неприятное зрелище, когда судно подныривало под волну, а она, вытянувшись сначала ввысь, сливаясь с серыми облаками, поглощая горизонт и затмевая собой будущее, накрывала с размаху сразу весь корпус с ревом рвущегося прибоя, брызгами и сдуваемой ураганным ветром белой пеной. Вопрос о времени не стоял, молились, чтобы заклепки, которые держали корпус, не развалились от сотрясения. Наверное, если были бы груженные, утонули бы. Уж слишком много воды проходило через судно.

Конечно, гордость за отечественное судостроение после прихода в порт присутствовала. Но седины этот ураган прибавил всей команде. О масштабе и силе урагана узнали, когда матросы, разбирая последствия стихии после того, как судно покинуло зону бедствия, сняли водоросли с верхнего мостика. Водоросли, обыкновенные сине-зеленые морские водоросли свешивались с верхнего мостика на смотровые стекла рубки. Хотя во время шторма никто их не замечал, смотрели на волны и закрывали глаза, когда они накрывали корпус и перекатывались через судно, чтобы нести свою разрушительную силу по воле ветра дальше. Эти безжизненные уже водоросли после пережитого ужаса настолько потрясли всех, что шутить никто уже не шутил и о шторме в разговорах между собой не вспоминали. Страшно представить, какая была волна, что, пройдя стометровый корпус судна, оставила свои следы в кормовой части на высоте в пятнадцать метров.

Пережили... В дальнейшем при встрече с членами экипажа о шторме не говорили никогда. Воспоминания о светопреставлении не радовали и не восхищали, а пережить снова страх от океанской мощи не хотелось никому.

Тогда он сделал для себя вывод: не надо шутить с природой, не надо даже стараться говорить о ней неуважительно. Человек слаб перед стихией. Выжить теперь уже в новых климатических условиях, может быть, и можно, но только опираясь на свой ум, знания и взаимовыручку, и на удачу, как уже раз было в урагане «Надежда».

РЫБАКИ

Когда стоишь перед воротами рая в лучах ослепительного белого света в ожидании решения архангелов разрешить пройти в них или нет, на ум приходит мысль: «А что, собственно, ты сделал в этой дарованной тебе жизни?» Это не из повести о Павке Корчагине и не из времен, когда считалось, что при капитализме человек эксплуатирует человека, а при социализме наоборот. Просто реально ощущаешь, что жизнь прожита, возврата к ней нет, а что в итоге? Конечно, не ты подводишь черту о проделанной работе и созданном тобой, оказанной помощи или поддержке. Все равно получается мало, но если ты неплохой человек, то может оказаться достаточным, чтобы получить пропуск в райские кущи. А это и есть основной итог, к которому стремится всякий нормальный человек, как оказывается.

Получается, что древние религиозные источники правы, и душа человека остается, тогда как брэнное тело исчезает под воздействием естественных природных процессов. Остается душа, как матрица памяти прожитой жизни. Куда она потом улетает – при жизни не узнать. Тут какие-то другие, пока неизвестные доселе приборы нужны, чтобы вычислить. Но уж если сравнивать душу с матрицей, то, по идее, улетает она в общее хранилище памяти. А долетает ли до него и сохраняется ли там, или ее кто-то отбраковывает – неизвестно.

Предназначение такого хранилища памяти можно было бы объяснить необходимостью, в случае каких-либо катаклизмов с цивилизацией или ее полного уничтожения, воссоздания людей как вида. Ведь допускают, что даже в нашей солнечной системе какая-то планета взорвалась, да и на Земле уже развивается пятая цивилизация. А род людской продолжается. Как он мог сохраниться? Рассчитывать, что предки были шибко умными, не приходится, коль их цивилизация была разрушена. Значит, есть какой-то источник, позволяющий восстановить людской род. Тогда получается, что наша цивилизация создана на базе сохраненных матриц памяти давно исчезнувших людей, и мы есть не что иное, как их копии. По-моему, это всяко лучше, чем быть потомком обезьян или генетически мутированным из динозавров. Но ведь никто не говорит что-то конкретное. Одни гипотезы, а значит, и гипотеза с матрицей памяти, что есть человеческая душа, имеет право на существование.

Чего только в голову не лезет, когда с утра едешь час в автобусе на суточную вахту. Сонное состояние после утреннего кофе уже не особо беспокоит, но и осознание бесперспективности каких-либо телодвижений во время поездки не наводит на физическую активность. Вот и лезет в голову всякая ерунда. То ли о смысле жизни, то ли о ее возникновении и истории человечества. Каждый пытается сделать прогнозы развития истории на основе своих знаний, личного опыта, прочитанных либо услышанных гипотез или предсказаний. Конечно, ничего путного из этого никогда не выходит, но время занимает, и поездка не кажется столь утомительной и долгой. Нет, когда сам ведешь, не до мыслей, надо за дорогой смотреть, а вот сидя в расслабленном состоянии, когда основной заботой является не прозевать свою остановку, можно и пофилософствовать. Это, понятно, никому не интересно, так что с соседом лучше не начинать беседу, но сам проникаешься иногда таким самоуважением, что, выйдя на свежий воздух, чувствуешь прилив сил для успешного начала рабочего дня.

Сегодня успел на автобус предприятия, и, вместо того, чтобы пройти до проходной по свежей погоде и подышать чистым воздухом, несущимся с Балтийского моря, пришлось трястись пять минут вместе с работниками предприятия, заполнившими своими выдохами за сорок минут езды с пункта выезда из Пайзы, района города Светлого, весь салон. Теперь оста-

лось просидеть, т. е. проработать в диспетчерской сутки, чтобы снова вырваться из замкнутого пространства на улицу и снова ощутить свежий балтийский морской воздух.

Работа диспетчеров в рыболовецком колхозе невысокооплачиваемая, но живая. Круг общения широкий, и, хорошо бы только в дневное время, а то ведь когда суда с выловом кильки или салаки возвращаются ночью, то приходится «разруливать» ситуацию, оторвавшись от столь желанного сна. А работать приходится сутки через двое, иначе зарплата будет такой куцей, что и ноги протянуть можно. Так что состояние зомби, или невыспавшегося человека, иногда становится раздражающим фактором. Понятно, что работают здесь одни пенсионеры, которые вытягивают за счет своей пенсии. Так сказать, никакая пенсия дополняется никакой зарплатой. Катастрофическое недосыпание, особенно в дни путины, приводит иногда к плачевным результатам, но быстрый ритм производства сглаживает острые ситуации, и предприятие несется вперед без остановки.

Рыболовецкий колхоз представляет собой конгломерат артельного рыболовства в заливе, где работают несколько бригад из соседних прибрежных сел, промышленного лова в море маломерными судами и берегового производства по переработке рыбы, включающего выпуск консервов, пресервов, копченой и вяленой рыбы. Имеет свою территорию с причалами, холодильниками и цехами. Производственный муравейник с круглосуточным режимом работы. Государство выдает квоты на вылов того или иного вида рыбы, по которым и строятся планы, и рассчитывается вся бухгалтерия. С обычным сельскохозяйственным колхозом общее то, что это рискованный бизнес, зависящий часто от погоды в море и заливе, когда маломерки не могут работать из-за шторма, и самой рыбы, которая шевелит хвостом в воде и меняет свое местоположение, а не стоит и ждет, пока рыбаки вытянут ее из пучины. Квоты, бывает, что и не выбирают по истечении года, это влечет за собой разбирательства у недовольного верховного начальства, отписки, отмашки и потерю премии для простых работяг. Не все можно списать на текущий кризис в стране, но в конечном счете все улаживается как-то само собой, и с новым годом все снова приступают к работе с энтузиазмом после возлияний встречи праздника. А через месяц-два и салачная путина начинается на радость всему производству. Тысячелетняя история рыбного природного воспроизводства не подвержена пока катаклизмам на берегу и чехарде государственного управления прибрежных морских территорий.

– Говорят, Макаревич опять бузу против президента затеял.

– А я слышал, что он снова в море собирается капитаном, подменять питерца. Тот вроде на праздники домой уезжает, к семье.

– Да нет, это другой Макаревич, не наш, а московский артист.

– Ну, может быть. Эти москвичи все время что-то придумывают, чтобы о них что-то писали, не забывали, в общем. А с президентом он зря. Куда ему. Президент – это власть. А в России президент – это любая другая власть, только в квадрате или даже в кубе. А тут простой артист. Бис, браво, девки, деньги шальные.

– Ну, он не простой артист, а из «Машины времени». Помнишь: «Я пью до дна за тех, кто в море».

– Вот это он хорошо написал, правильно. Здесь ничего не скажешь. А бузить... Хотя это его дело.

– Думаю, что Ельцин с Горбачевым плохие президенты были. Не прочувствовали они власть-то по-настоящему. Не по плечу она им стала. Столько горя людям принесли. До сих пор расхлебываем, и еще лет на тридцать хватит.

– А то и поболее будет. Дали волю америкашкам разным и всякой немчуре поганой над нами куражаться. Нет, чтоб, как при Сталине, прихлопнуть разом. Демократия, понимаешь. Тьфу.

– Однако, в рейс пора, светает. Сегодня пойдем к ставням и сетки проверим заодно на четвертом и пятом участках. Авось что и выудим. Пошли, хлопцы.

Перед новым сезоном руководство расщедрилось на снабжение рыбаков новыми рыбацкими костюмами, включая пролифенки и сапоги. Дело вроде бы хорошее и даже нужное. Правда, при советской власти это входило в нормативы производства и в обязанности руководства. Теперь советской власти нет, и снабжение уже надо воспринимать как добрую волю заботящихся о народе начальников. В любом случае это дело хорошее и очень даже нужное. А коли так, то и решать его надо по-хозяйски. Неизвестно, появится ли при этой жизни у руководства подобная блажь еще раз, а главное, будут ли у него средства для приобретения нового обмундирования в будущем. Поручили, посмотрели, сравнили и решили закупать костюмы в соседней Польше. Там качество, отличное от отечественного. Видимо, давно в нашей стране о рыбаках не думали. Какие такие им костюмы в море могут понадобиться? Но надо поспешать. Не дай бог и на этот вид продукции наложат запрет. Им-то что в Москве – весь мир на ладони, а в Калининграде куда ни плюнь – мимо Евросоюза не промахнешься.

Случается, особенно по осени, что Балтийское море взбрыкивает и насылет сильные ветра на наш янтарный край. Оно, конечно, не сравнится с тропическими тайфунами, когда уничтожаются города и гибнут люди, но все же доставляет немало хлопот жителям, особенно на побережье. Морские и портовые службы в обязательном порядке оповещают о приближении подобных катаклизмов на нашу голову, и все готовятся встретить непогоду во всеоружии, но все же, когда задувает со скоростью выше тридцати метров в секунду, становится не по себе.

Проходящий циклон атаковал порт с запада. Все суда предварительно тщательно закрепились дополнительными швартовыми, были усилены вахты на предстоящую ночь в ожидании шторма. И он пришел. Волны высотой до пяти метров, разогнавшись на акватории небольшой лагуны перед портом, бились о западный причал с неистовой силой так, что подойти к самому причалу было невозможно. В это время там, как по злему року, стояли танкер и старое очистительное судно – драга. Конечно, посреди ночи вахтенный с танкера обнаружил, что драга стала тонуть, и, испугавшись, что она как-то заденет танкер, начал подавать сигналы. Всех поставили на ноги, но... обошлось. Драга затонула, но большего вреда, к счастью, не нанесла. Какое-то время части, отпавшие от этого утопленника, еще плавали по заливу, но их оперативно отлавливали дежурные суда канала, и на судоходство ничто и никак не повлияло. Владелец драги понес убытки, на этом вопрос был исчерпан.

Но к трагедии иногда приводят и вполне банальные случаи. Рыбаки на катере решили выйти в залив. Двое, включая шкипера, взяли спирт, третий был трезвенник. Когда двое уже отключились, выяснилось, что непьющий сотоварищ не умеет управлять катером. Дело к ночи. У измученного алкоголем рыбака вдруг начались судороги. В темноте только точки огоньков где-то впереди. Кричать бесполезно, сигнальных ракет нет. За два часа волной и ветром их нерабочий катер с отключившимся рулевым прибило к берегу. К этому времени один уже перешел в мир иной, зато другой от такого известия протрезвел. Быстро нашли способ вызвать скорую, МЧС, полицию. Составили протокол...

Иметь чувство собственного достоинства и всегда отстаивать свое собственное мнение – дело трудное, неблагодарное, хотя и благородное. Такие люди всегда стоят особняком, не возвышаются, а в стороне от общества житейской морали. Это ведь только при торгах на бирже, если не будешь следовать движению котировок, а вставать в позу, ожидая свершения своих задумок, как правило, лишаешься своих денег. А в жизни иногда и шею сломать можно, не подчиняясь действующим законам общества.

Не пропадают только киношные герои. Стреляют, дерутся, носятся на машинах, занимаются сексом при каждом удобном случае, но все равно остаются победителями, героями нашего времени. Умных фильмов уже не ставят. У режиссеров ни ума, ни фантазии нормальной человеческой уже нет. Хорошо, что в стране будет только год кино, который придет на смену году литературы. Вопрос: почему год цирка не объявляют? Он и так продолжается, и ограничений по времени не предвидится?

– Александрович, а покемоны собираются выходить?

– Пока не давали заявок, но погода нормализуется, ветер стихает, наверное, к вечеру соберутся. Если что, я сообщу.

Салаку и кильку ловят близнецом два малых рыболовных траулера вместе. И, конечно, в коллективе рыбаков существует негласное соревнование, кто поймает больше. А поймает рыбы больше тот, кто больше времени на лову или кто нападёт на хороший косяк. Ну, и, соответственно, начальство смотрит, кто в море, а кто отстаивается в порту. Поэтому пары стараются не отставать друг от друга, хотя и не особо афишируют свои намерения.

Малые траулеры не занимаются ловом при шторме выше четырех баллов. Просто не вытягивают трал, да и опасно все это при сильном ветре. В прошлом были случаи, когда сорви-головы рисковали, а потом их всем селением и хоронили, тех, кого находили после трагедии. Сейчас суда снабжены и аппаратурой, и Интернетом, и капитаны перед рейсом проверяют метеокарты, причем не только российских станций. Рисковать не хотят понапрасну, но и сидеть на берегу тоже невыгодно. Контракты с моряками основаны на вылове. Сколько поймаешь, столько и получишь. Ну а в море действуют уже морские правила взаимопомощи. Обычно капитаны настроены работать вместе в одном районе, но есть и исключения. Чувство грибника, нашедшего усыпанную грибами поляну, присуще и рыбакам. Ведь крикнуть в ответ «АУ» можно и после того, как грибы с поляны будут собраны. Кто первый нашел, тот и в дамках.

Другое дело, что в море «полянки» бывают редко, а работают суда вместе все время. Так что доверие важнее, а понимание того, что сдают вылов на одно предприятие, дополняет чувство ответственности за конечный результат.

Пьют ли рыбаки на берегу, «когда на море качка»? По-разному. Зависит от человека. Работа в море тяжелая, выматывает порой основательно. Расслабляться как-то надо. Но ведь голова-то на плечах есть у каждого. После пьянства приходит похмелье, а работать в «состоянии нестояния» очень сложно. Так что тех, кто «дружен с алкоголем», обычно смывает с флота без задержки. Конечно, есть молодые работяги, которым все нипочем, они везде всегда в форме, как Джеймс Бонд. Море выбраковывает и таких. А списанному на берег по здоровью или по залету моряку приходится нелегко. Надо обладать волей, чтобы не скатиться по жизни. Тем более что с работой в сегодняшних условиях непросто, а водка дешевая вымывает мозги очень быстро. Государству стоило бы подумать, чтобы вернуть производство алкоголя под свою юрисдикцию, тогда бы смертей нелепых стало меньше.

Но в основном рыбаки прибрежного лова – мужики крепкие. Таких парней со «стальными яйцами» даже старатели Аляски уважают.

Уничтожение некогда мощного советского рыболовного флота – это обида всех рыбаков страны: и на Камчатке, и в Архангельске, Новороссийске, Калининграде. Продали, отдали под чужие флаги, разворовали, наверное, все было. Факт в том, что ловить сейчас нечем. Все суда по двадцать-тридцать лет ремонтируют, латают, перевооружают. Но не новые.

Понятно, что стране нужны военные корабли – война на носу. Но ведь и рыбу надо ловить, есть-то что будем с отрицанием поставок мяса из-за границы? Всякие шведы и датчане имеют новый флот, так у них и вылов на порядок выше, и технологии лова, а следовательно, и изготовление готовой продукции разнообразнее, экономичнее, выгоднее. Конечно, проще засунуть ведение рыбного лова под крышу министерства сельского хозяйства и платить рыбакам, как колхозникам на полях, но ведь дело страдает. А рыбу все любят поесть, особенно когда мясо дорожает. Одними приказами сверху вылов не увеличить, рыба требует внимания к себе, а умение рыбаков ее добывать зависит от условий их работы. Прописные истины пока без ответа...

С распадом Союза рыбная промышленность была уничтожена. В начале нынешнего века оставшиеся в живых после «лихих девяностых» бизнесмены стали срочно вкладывать средства во что-нибудь, что могло вернуть если не все, то хотя бы часть инвестиций обратно, но уже в

«отмытом» виде. Не знаю, как в других областях производства, но в рыбной области суда были скуплены почти все. Особенно те, что работали за границей бывшей Великой страны. Найти рыбаков, коих стало во множестве от неожиданного распада прежних условий работы, было нетрудно. Наобещать им золотые горы, заключить скороспелые контракты и отправить кого в Африку, кого в Азию, кого в Америку было просто. Поскольку владельцами судов становились люди, далекие от рыболовства и имеющие совсем не цели прочно обосноваться в новых условиях и промрайонах мира, то обычно уже через пару рейсов экипажам стали задерживать зарплату, а иногда и просто бросали членов команды на произвол судьбы. Бизнес рыбный требовал постоянных вложений и не был столь уж прибыльным, как казалось. А деньги хотелось вернуть сразу и много. В результате суда без должного ремонта и рабочих орудий рыболовства прекращали свою деятельность, экипажи как-то возвращались домой, порой за свой счет. В Африке почти в каждом порту сейчас стоят на отшибе брошенные советские рыболовные суда, составляющие основу современных кладбищ кораблей. Очень печальное зрелище, скажу я вам.

Как выживали рыбаки в период агонии, когда из обещанной зарплаты их семьи на берегу получали лишь мелкие авансы? Да очень просто. Рыба в умелых руках не ловилась меньше, но сдавалась обычно половина вылова. Другая, из лучших видов добытой в море продукции, пряталась и продавалась лично, путь и дешевле, но в свой карман. Покупателей в таких сделках было в избытке. Воровство не имеет оправдания ни при каких обстоятельствах. Просто время было смутное, а выжить и вернуться к семьям надо было. Не всем удалось удачно вернуться домой хоть и без денег, но живыми, некоторые отчаявшиеся моряки остались в Африке, превратившись в портовых парий.

АДЕНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Средний рыболовный траулер кормовик обслуживали семеро русских офицеров рыболовного флота и десять матросов-йеменцев. Судно уже имело довольно приличный стаж работы в тропической зоне и выглядело подобающе. Борта с полинявшей, а местами и с полнотью слезшей краской и ржавчиной, днище в ракушках, промытая донельзя палуба, заедающие механизмы, неработающая спасательная шлюпка и просроченные плоты. На этом корыте предстояло год работать в условиях адской сорокоградусной жары, спать в каюте без кондиционеров и вылавливать каракатицу в прибрежных водах дружественного тогда еще Йемена.

Судно стояло в Мукале – втором по величине порту Южного Йемена. Поэтому с аэропорта нас повезли на маленьком автобусе практически через всю страну по грунтовой, местами покрытой асфальтом, дороге через пересохшие русла рек в окружении знойных гор без растительности и бескрайних равнин песка. Воды не хватало. Губы пересохли, хотелось пить. Поэтому, когда потянуло ветерком, все пооткрывали окна, чтобы как-то освежиться. Напрасно. Ветерок очень уж быстро перерос в бурю, подняв груды песка, и закружил его, закрывая небо. Окна закрыли быстро, но песка наглотались при этом изрядно. Главная беда была, однако, не в том, что песок проник внутрь автобуса. Замело дорогу. Шофер-араб что-то говорил по-своему, наши ругались матом, но куда ехать, никто не понимал, все вокруг заволочло песчаным туманом. К тому же ехать стало невозможно, песок спеленал колеса.

Рыбаки – народ бывалый, и никто сдаваться не собирался, к тому же в начале годового контракта. Решили откапываться двойками. Закутавшись в какие-то тряпки, отгребали колеса руками. Менялись через десять минут. Тщетно.

Буря стихла через час как-то сразу. Улетела. Через двадцать минут и мы двинулись дальше, ориентируясь на проход между гор, видневшийся далеко впереди. Радости в глазах сменяемого экипажа мы тогда не увидели, не произвел впечатления и рассказ о дорожном приключении. Усталость, злость и какая-то отрешенность смотрели на нас из глаз отработавших свой годовой контракт моряков. Единственный совет новичкам был – это намочить простыни, чтобы уснуть в духоте кают в условиях полного безветрия знойной сорокоградусной ночи. Утром они уехали.

Адаптировались быстро. Смазали механизмы, отремонтировали шлюпку, наладили питание. Все оказались профи в своем деле, а главное – кок был знатный. Когда вкусно и сытно поешь, никакая работа не страшна, все в руках спорится.

Кроме матросов с йеменской стороны были два штурмана, причем старпом – старший над местными – как-то говорил по-русски. Хотя наши ребята тоже общались в процессе работы. Помню, как рефмеханик объяснил матросу, какую часть трубы надо покрасить, даже отметил рисками. Как результат – труба была отпилена в соответствии с указаниями четко по рискам.

Я в рубке иногда общался со старпомом – старался выучить арабский разговорный, да и вообще, было интересно в то время пограничного занавеса услышать голос из другого мира.

– Салем, я никак не пойму, зачем повстанец влетел на грузовике на базу и взорвался. Ведь он сам погиб, а результата не получилось. Бессмысленная смерть.

– Юрий, он погиб не напрасно. Это наш вид борьбы. Мы не имеем такого вооружения, как наши враги, но сдаваться никто не будет. Мы будем бороться, как можем, и враг будет повержен, а в войне всегда есть потери и жертвы.

Это было странное и неожиданное для меня объяснение тогда, в восьмидесятых годах двадцатого века. В следующем веке такой вид борьбы стал уже нормой, а затем и перерос в разряд преступлений против человечности.

– Салем, когда разворачиваешь судно, отворачивай его в сторону от берега, в море, а не на берег, – это уже капитан учил старпома правилам мореходства.

– Ты когда моешься, то сначала голову моешь, потом ноги.

– Да, капитан.

– Так какого тогда ты сначала красишь палубу, а потом надстройку?

Вечером выхожу на палубу, услышав какую-то возню. Капитан стоит на крышке трюма – это на высоте около метра над палубой, а вокруг ходит злой тралмастер со свайкой.

– Это каким надо быть идиотом, чтобы трижды рвать трал на одном и том же месте? Далее тирада полностью из редко употребляемых даже на флоте слов.

Нервы на жаре были напряжены у всех, и тогда стал понятен тот злой взгляд встретившего нас экипажа. Наверное, и мы тоже были не особо любезны, когда через год нашей работы нас приехали менять коллеги.

– На ночь затыкайте уши ватой, а то муравьи могут забраться, они здесь очень мелкие и шустрые.

Были и другие советы в том же духе.

– При входе в машинное отделение стучите свайкой по ступенькам, чтобы крысы разбежались, а то набросятся, и не входите туда без резиновых сапог.

– Когда крыса на камбузе просто сидит и смотрит на вас с безразличием из какого-нибудь угла, то она сытая, возможно, тараканами наелась и, значит, не будет бросаться и кусать за ноги.

Справятся. Рыбаки – народ закаленный, а у этих еще целый год впереди.

ИСХОД МИХАЙЛИНА

Любые совпадения с реальными событиями или людьми случайны.

Москва. Россия

Сергей Михайлин сидел за столом директора своего московского банка и думал.

Из архивных досье

Сергей Олегович Михайлин – генерал-лейтенант ФСБ, окончил минское высшее инженерное зенитно-ракетное училище ПВО, в 1993-м академию ФСБ России, в 2003-м Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. В середине 1990-х учредил охранное предприятие и банк, работал в Государственной Думе и администрации президента России.

В 2003-м, когда был основан Госнаркоконтроль, был назначен заместителем начальника управления собственной безопасности (УСБ). В 2004-м был заместителем начальника департамента оперативного обеспечения Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН, бывший Госнаркоконтроль).

В 2005-м вышел на пенсию, сосредоточив основное внимание на работе своего банка. Вышел вовремя, потому что имел информацию о готовящемся против него деле следственным комитетом при Генеральной прокуратуре РФ с набором типичных обвинений по 285-й, 286-й, 289-й и 290-й статьям УК РФ:

285-я – злоупотребление должностными полномочиями;

286-я – превышение должностных полномочий;

289-я – незаконное участие в предпринимательской деятельности;

290-я – получение взятки группой лиц в крупном размере.

Александр Сергеевич Любимов – полковник ФСБ, работал в Госнаркоконтроле под личным руководством Михайлина. Вышел на пенсию в 2005-м, после серьезного разговора с шефом. Ему светила по тому же делу, что и Михайлину, 138-я статья УК РФ – нарушение тайны телефонных переговоров с использованием своего служебного положения и спецсредств, но могли сосватать и 283-ю – разглашение гостайны.

Познакомились они еще в Анголе, где проходили службу в 1980-х, причем Любимов тогда был заматгаше при Посольстве, а Михайлин – советником при торгпредстве. Занимались алмазами и отслеживали американцев, протянувших свои щупальца к нефти. В результате прогорели оба. Михайлина отозвали в Москву, а Любимова сослали сначала в Гвинею-Бисау, а затем в Мозамбик. Специалистами со знанием португальского языка не разбрасывались в то время.

Впрочем, говоря о том, что они ушли на пенсию, надо подразумевать, что им дали такую возможность. Стране нужны гражданские специалисты за границей, способные работать на благо Родины и прошедшие спецподготовку в стенах соответствующих учреждений. Задача простая – открыть свое дело, стать легальным бизнесменом, тем самым сохранив свое присутствие в ключевых местах современной политической карты мира. Так работают все спецслужбы мира.

Перед Михайлиным же была поставлена задача особого рода – продажа оружия. Задача непростая, учитывая конкуренцию американцев и китайцев, но выполняемая при помощи мест-

ных политических сил, которые стали склоняться к выбору России как основного партнера. Партнера, более покладистого и свободного от давления внутри собственной страны, а значит, и гаранта неразглашения операций, что в мире продажи оружия является чуть ли не самым главным условием.

Выбор же Любимова как помощника в предстоящей работе был, конечно, не случайным. После провала в Анголе и бесплодной работы в Гвинее-Бисау он хорошо зарекомендовал себя в Сомалийской операции, когда лично контролировал поставки оружия. Командировки по Восточной Африке были различными: то надо было сопровождать выгрузку рыболовного судна в Кении в порту Момбаса, то заключать договор о продаже грузовиков «КамАЗ» в Дар-эс-Саламе. А иногда и по приглашению какого-нибудь университета в Аддис-Абебе читать лекции о борьбе со СПИДом в Эфиопии. Но цель всегда была одна – контроль поставок оружия, включая обязательное наблюдение за конкурентами. Поэтому рыбу судно привозило в Момбасу именно тогда, когда происходила выгрузка американской военной техники. После одной из таких поездок Любимову присвоили очередное звание подполковника и отправили домой, в Москву, учиться в Академию ФСБ России. Дело в том, что при фотографировании группы моряков в порту, он «случайно» заснял панораму гавани, причем подробности, которые не были видны со спутника. Это не было его задачей, но было высоко оценено в соответствующих кабинетах.

Да, воспоминания о Джибути всегда радовали Любимова.

Джибути. Район Африканского Рога

По просьбе консула он сопровождал туда представителя рыболовной компании в качестве советника и решал все административные вопросы, возникавшие по ходу поездки. Экипаж встретил их сдержанно. Дело в том, что судно в рейсе подверглось вооруженному нападению пиратов у побережья Сомали, и это событие наложило весьма суровый отпечаток на поведение команды.

Любимов же не испытывал угрызений совести по поводу того, что был соучастником поставок оружия в тот район. Это было его работой, а он был профессионалом. Но с командой надо было что-то делать, надо было подробнее узнать о произошедших событиях. В администрации порта он нанял микроавтобус, забил его кузов свежими фруктами, овощами с рынка, а также ящиками с пивом и кока-колой, присоединил туда же три бутылки виски. Водку брать не стал, на жаре от нее был бы ненужный эффект, а от виски человека не развезит до безобразия даже на солнцепеке, но язык оно должно было развязать.

Так и получилось. Обговорив с капитаном подробности, договорились, что утром едут на пляж, расположенный километрах в пятнадцати от порта в живописной бухте. Поехали все, кроме судовой вахты. Но молчание тянулось в течение всей дороги до пляжа. По мере опустошения пивных бутылок и поглощения сэндвичей, заранее приготовленных коком по распоряжению капитана, моряки стали отходить. Купаться на пляже оказалось делом неблагоприятным, отлив и коралловое дно сводили на нет все попытки добраться до разумной глубины, чтобы охладиться и освободить голову от пивных паров. Да и беспощадные солнечные лучи делали свое дело. Молчание сменилось желанием высказаться. Прорвало, одним словом.

Восточная Африка

К судну, медленно идущему с тралом вдоль береговой черты, подошел катер с одетыми в привычные лохмотья африканцами. Такие подходы обычны в Африке: просят топливо в обмен на рыбу, креветку, фрукты или даже спиртное. Поэтому никто не удивился и не засомневался, когда привязали самбуку, или пирогу, выдолбленную из дерева. А потом просто не успели

никак защититься, когда похожие на детские фигурки сбросили тряпки со дна пироги и надели автоматы, соорудив, таким образом, правильный крест, в котором автомат Калашникова был перекладиной, а тело опорой креста.

Так обкуренная сомалийская молодежь на тонких ножках захватила судно, прошлась по каютам, загребая все сколько-нибудь ценное, что бросалось в глаза. Любое возражение или просто фраза сопровождалась направлением автомата в сторону говорящего, а оскал держащего свой дрожащий палец на спусковом крючке не допускал сомнений в его намерениях, поэтому о попытке сопротивления молодым наркоманам никто и не помышлял. Впрочем, награбив в свое удовольствие, затарившись топливом, пираты убралась. Капитан сообщил о произошедшем. Далее по инструкции. Так Любимов и попал в эту командировку. Экипаж привезли с прогулки на борт судна уже вечером, это были другие люди.

Джибути. Район Африканского Рога

Тогда же вечером они с представителем не смогли остановиться и пошли бродить по барам, которых в ночном Джибути было в избытке. Громкая музыка, танцующие пары и одинокие девушки в ярких одеждах, отраженная в люминесцентном свете безупречная белизна формы моряков с французской эскадры настраивали на отдых. Хотя перед глазами все еще рисовались рассказанные моряками ужасы Сомалийских вод, но они постепенно отходили куда-то далеко.

Вот вроде европеец и не француз стоит у стойки и тоже таращится на танцующих. Пригласили его в компанию, оказался финн. Он первым спросил: «Что вы тут делаете? Это же наша территория!!» И это нейтрал. Драться не хотелось, видимо, и так уже нахваталась впечатлений за день, но и проучить нахала надо было бы. Отвлекло только то, что надравшийся француз хватанул бутылкой по голове местного очкарика, оказавшегося сидящим около дамы моряка, когда тот вернулся из туалетной комнаты. Красная кровь забурлила, шум, полиция. Они ретировались, оставив финского вояку в штатском без ответа.

Южно-Африканская республика

Недалеко от памятника Полю Крюгеру – бура, основателя независимой ЮАР, – стоящего в центре Церковной площади в Претории, до победы Нельсона Манделы у правительственных учреждений стоял другой памятник – голова Хендрика Фервурда, проводника апартеида в Южно-Африканской Республике, профессора, экономиста. Рядом на соседней улице находилось несколько ювелирных магазинов, витрины которых были переполнены золотыми изделиями с бриллиантами и без, кольцами, брошами, цепями, колье разных размеров и в сочетаниях.

После сытного завтрака в отеле Михайлину вдруг захотелось побродить по улицам Претории. Солнце еще не набрало убийственную силу, и народу на улицах было мало, магазины закрыты. У витрины одного такого ювелирного шопы стояла пожилая женщина и безотрывно смотрела на какое-то золотое украшение, вероятно, на кольцо с бриллиантами, которое было выделено среди других экспонатов владельцем. Женщина не замечала Михайлина, как, наверное, ничего во всем мире, она мечтала. Это видно было по ее виду. Отрешенность и безнадежность исполнения желания нарисованы на лице. Видимо, она ничего не могла с собой поделаться и приходила сюда часто, просто чтобы представить себя в другой жизни.

В России тогда еще не было расслоения общества на имущих и неимущих, и подобное Михайлину было в диковинку. Про себя он отметил, что никогда не будет наподобие этой женщины, он не будет бестолково мечтать, он будет иметь желаемое. Эта картина долго стояла перед его глазами и всегда возвращалась, когда надо было принимать ответственное решение:

он не будет мечтать, а будет брать. И он брал. Поэтому в своей среде прослыл жестким бизнесменом, имеющим цель и стремящимся к ее достижению вне зависимости от окружающих.

В Преторию Михайлин приехал по приглашению своего нового знакомого Терри ван Дика. Познакомились они в Дурбане на симпозиуме по лову головоногих в Восточной Африке. Южно-Африканская Республика устраивала подобные мероприятия, потому что была заинтересована в новых идеях и новых технологиях в любых отраслях хозяйства, в том числе рыболовстве. В программу помимо лекций и обсуждений входили посещения рыбного рынка в Дурбане и фермы по выращиванию креветок и агара. Михайлину надо было периодически выезжать в район, который так и остался закрепленным за ним, Америка не светила.

Терри был частным предпринимателем. Штаб-квартира его фирмы была по месту проживания в арендованном доме в пригороде Претории. Михайлин был ранее в Йоханнесбурге только пролетом, поэтому посмотреть на провинцию Хаутенг, включающую одну из столиц, было заманчивым. К тому же появился шанс вербовки незадачливого бизнесмена.

Познакомились они действительно случайно, Михайлин тогда остановился в «Холлидей Инн» на берегу Индийского океана, в самом центре пляжного района Дурбана. Океан был через дорогу, и по вечерам Михайлин коротал время, гуляя по променаду, вытянутому вглубь океана метров на семьдесят или около этого, наслаждаясь картиной кувыркающихся на волнах серфингистов, или потягивал прохладное пиво в открытом баре отеля.

Купался Сергей обычно утром, когда солнце только просыпалось. Бодрая водичка, мало отдыхающих на пляже, только серфингисты вдалеке. Красота. Для нужд купальщиков пляж был оборудован бесплатным душем с пресной водой и отдельным краном у выхода с пляжа для омовения ног. Отдыхающие были в основном англичане и требовали удобств для своего отдыха.

Однажды вечером Михайлин, как обычно, прогуливался по волнорезу-променаду. Он дошел уже почти до конца, когда его догнали два пацаненка с досками. Росточком они были невелики, головой на уровне перил променада, поэтому доски они просто перебросили через перила. Это привлекло внимание Михайлина, он думал, что они просто наблюдатели, как и он, за действиями группы молодых людей на волнах. Однако он больше удивился, когда молодые пацаны, ловко вскарабкавшись на перила, столь же ловко нырнули с высоты около восьми метров и, догнав относимые волнами свои доски, поплыли, чтобы присоединиться к основной группе серфингистов.

«Да, это увлечение не на год или на два, этому посвящают всю жизнь, – подумал Михайлин. – И попробуйте докажите им, что вы в своей жизни более счастливы».

Тут он и повстречался с Терри, тот тоже очень внимательно смотрел на происшествие и, видимо, тоже был удивлен.

«Не местный», – подумал про себя Михайлин и постарался зацепиться за разговор. Терри оказался рыбным бизнесменом и тоже приехал в Дурбан на симпозиум, что очень обрадовало Михайлина, и он решил всерьез поработать с новым объектом. Оказалось, что Терри был не первый раз в Дурбане и хорошо знал город и его интересные места. Так Михайлин посмотрел, как встречают пассажирские океанские лайнеры в порту, когда оркестр в шотландских юбках фланирует вдоль борта, исполняя на волынках бравурные марши, перемешивая их с веселыми хитами современной жизни под всеобщий хохот, пытаясь при этом подтанцовывать в такт музыке.

Дельфинарий, расположенный, оказывается, тут же на пляже, был как отдохновение. Терри открыл Михайлину и ночной город, не только расположенные поблизости ирландские пабы или ночные бары, заполненные обкуренной или наколотой молодежью, но и казино. Тогда городские власти еще не отобрали у них лицензию, и Михайлин даже успел проиграть довольно крупную сумму. В Сан-Сити ехать было уже незачем.

Организовав барбекю, Терри пригласил Михайлина, также двух своих близких друзей, чтобы в кругу семьи провести приятный вечер. Вечер удался. Мясо было отменно приготовлено, вели разговоры про жизнь в России и в ЮАР, перспективы, неудачи, текучку и разошлись поздно за полночь, довольные друг другом. Из беседы Михайлин оставил для себя вывод о том, что русских в ЮАР любят и помнят об их помощи во время англо-бурской войны даже по прошествии века и смене режимов в обоих государствах. Человеческие отношения выше политических сиюминутных выгод, а народная память глубже, чем источники средств массовой информации.

На следующее утро Михайлин улетел в Мапуту, где нужно было встретиться с Любимовым, чтобы подготовиться к встрече с Терри по вопросу продажи креветки из Мозамбика.

Из рапорта Терри Ван Дика руководству службы внешней разведки ЮАР

После идентификации интересующего нас объекта, сверив его с описанием ЦРУ, переданным через английскую разведку, было решено вступить с ним в контакт. Служба слежения выявила обычный вечерний маршрут Михайлина, и момент нашелся во время прогулки объекта по променаду. После проведения совместных прогулок по Дурбану было решено проверить его в личной беседе, для чего объект был приглашен в Преторию. Разговор с объектом вели два сотрудника внешней разведки, приглашенные на семейный ужин под видом старых друзей. После обработки и анализа беседы пришли к выводу, что определенных целей по интересующей нас теме у объекта в настоящее время нет. Тем не менее решили разрабатывать Михайлина дальше с целью проникновения в рыболовный бизнес русских в Мозамбике с возможными выходами на продавцов оружия в Восточной Африке. Для обозначенной цели назначена моя командировка в Мапуту для начала торговых операций с местной креветколовой фирмой, находящейся под контролем русских предпринимателей.

Южная Африка. Мозамбик. ЮАР

По прилете в Мозамбик Михайлин через посла обязал бывшего представителя комитета рыболовства России, ставшего в силу исторических обстоятельств частным предпринимателем, Иосифа Шика подготовить деловое предложение и осуществить операцию по продаже креветки фирмачу из ЮАР. Для контроля над операцией был задействован Любимов. Любимов же, по указанию Михайлина, и организовал встречу с Терри. Повозил гостя по побережью с посещением Шай-Шай, городка на побережье Индийского океана, славного своими песчаными пляжами и недорогой землей для строительства коттеджей. Рассказал Терри про русскую сказку о Лимпопо, протекающей недалеко от этого живописного местечка.

Договорились, что Терри, по результатам первой сделки, если все пройдет гладко и по ценам, предложенным Терри, может стать основным партнером – посредником по продаже всех видов головоногих, производимых на судах местной фирмы, на рынки как Европы, так и ЮАР. В свою очередь, Терри предложил перспективу рыболовства в районе Кении и даже Сомали с выгрузкой продукции в Момбасе и Джибути. Откуда ему было знать про сомалийские страсти Любимова.

После завершения переговоров и банкета, устроенного по случаю подписания торгового соглашения, Любимов отвез Михайлина и Терри в Йоханнесбург на взятом в торгпредстве напрокат «Мерседесе». Претория соединена с Йоханнесбургом пятидесятикилометровой застроенной территорией, так что различить, где начинается один конгломерат и кончается другой, можно только по карте, а аэропорт Йоханнесбурга является одним из самых больших в ЮАР и Африке в целом.

Дорога была великолепной. Высадив Терри около дома, поспешили в аэропорт, поскольку стало темнеть. В лучах фар ночная дорога встречала путников отраженными катафотами, как установленными по краям дороги, так и разделяющими полосы движения. Казалось, они мчатся по взлетной полосе. При подъезде к аэропорту их нагнал ливень, и из-за невозможности разобрать дорожные надписи в искаженном отражении от дождевых потоков на лобовом стекле при едва справляющихся дворниках они пропустили поворот со скоростной трассы. Чтобы найти разворот и вернуться к точке съезда в аэропорт, потребовалось около двух часов, потом они еще час кружились по самому аэропорту в поисках парковки. На самолет Михайлин успел, а Любимов заночевал в пятизвездочном отеле около аэропорта, искать более доступное место сил уже не было. Пришлось отписываться послу за растроченные средства.

Из рапорта Терри Ван Дика руководству службы внешней разведки ЮАР

В Мапуту познакомился с Любимовым, партнером Михайлина как основного объекта. Предполагаю, что Любимов является координатором русского бизнеса в Мозамбике и, возможно, имеет доступ к операциям по поставкам оружия. Из частных разговоров выяснил, что он ранее посещал порты Восточной Африки. Анализ дат его посещения показал их совпадение с датами известных нам поставок. Для более глубокого изучения Любимова было решено пригласить его посетить скотоводческую ферму брата в Хаутенге. В ходе посещения хозяйства с объектом были проведены встречи и беседы аналитиков, представленных ему управляющими фермой. Анализ бесед не дал полного представления о личности Любимова. Считаю необходимым дальнейшую разработку объекта, несмотря на затраты, связанные с торговыми потерями при продаже продукции рыболовной фирмы русских.

Кения, Восточная Африка

Очередная выгрузка судна была запланирована в Момбасе, и Любимов договорился с Терри, что они вместе полетят туда за день до захода судна в порт. Любимов улетел раньше. Ему надо было решить свой основной вопрос с помощниками. Дело в том, что открылась возможность поставки партии оружия на север Сомали. Вообще-то, это была зона итальянцев, и Любимов старался не лезть на чужую территорию, сохраняя негласное соглашение, но момент уж больно был хороший. Открывалась новая линия для оружия в Сомалиленд и Эритрею, и Любимов решил рискнуть.

В Найроби в отеле «Амбассадор» Любимов встретился с очень тесными партнерами и обговорил детали поставки, когда судно зайдет в Берберу из-за аварии, связанной с утечкой аммиака. Станет на рейде по случаю аварии рефустановки, чтобы не отравить население порта, и оттуда будет снято оружие. С портовыми властями решено было договориться на месте, а от итальянцев по возможности скрыть хотя бы на первый раз. Потом войны все равно избежать не удастся, но тогда уже можно было привлечь на свою сторону и местных бандитов, продавая им оружие по демпинговым ценам по сравнению с итальянцами.

В Найроби Любимов обычно останавливался в «Норфолке», открытом еще в 1904 году и являющимся достопримечательностью из-за его посещения знаменитостями. Отель «Амбассадор» же был хорош лишь для переговоров, чтобы не привлекать внимание в этом вечно переполненном Вавилоне. Любимов позвонил Терри с главпочты, в центре Найроби, под вечер и тут же чуть не стал жертвой ограбления, в последний момент успел поймать такси и уехать от собирающихся вокруг него уличных воров.

Терри был удивлен приткостью Любимова и обещал прилететь на следующий день, чтобы вместе отправиться в Момбасу. Этим же вечером Любимова навестили итальянцы. Наверное, его отслеживали заранее. Он потягивал вкусное кенийское пиво на веранде бара, когда вне-

запно появились невеселого вида крупные пиджаки. Они молча сели за стол Любимова, так что он даже думать не мог о том, чтобы сдвинуться с места. Оттопыренные карманы красноречиво говорили, что их хозяева – люди серьезные и шуток на работе не приемлют. Председательствовал на возникшем собрании Джованни Эсперанто, щуплый, по сравнению со своими громилами, но жилистый итальянец с голубыми глазами. Он просто предупредил Любимова, что если слухи о поставках оружия в северную часть Сомали не вымысел, то Любимову лучше не претворять их в реальность. То есть, если он узнает о свершившейся сделке как факте, Любимов будет убит, а вместе с ним и его сообщники, причем Любимов до своей смерти передаст всю информацию по поставкам в восточной и южной части Сомали, чтобы итальянцы стали продолжателями внезапно исчезнувшего русского. Войны они не хотят, но если начнется, то победу не упустят. Они исчезли так же внезапно, как и появились, оставив Любимова за кружкой пива, так и не допитой тем вечером.

Прилетевший днем позже Терри высказал свое удивление Любимову, и у того даже возникло подозрение, что Терри о чем-то догадывается. Чтобы проверить свою догадку. Любимов связался с посольством и попросил выделить ему помощников для проверки Терри. Так что на разгружаемое судно подъехали сразу двое сотрудников консульства с женами по приглашению хозяина судна, поступившего из Мапуту.

Капитан «накрыл поляну» в салоне. Даже Любимов был удивлен обилием блюд из головоногих, судовой повар, видимо, имел большую практику в рейсе. Виски «Джон-пешеход» для кавалеров и джин с тоником и мартини для дам придали беседе дружескую направленность, и Терри расслабился, вернее, он рассказал о себе то, что ему можно было рассказать в подобной ситуации.

Терри ван Дик – кадровый офицер армии ЮАР – служил в войсках и участвовал в походе на Анголу, когда в конце восьмидесятых кубинцы сокрушительно разбили их под Куито Канавале (Cuito Cuanavale) в провинции Куанда Кубанго. В бою ему оторвало ступню противопехотной миной-ловушкой. Год он провел в госпиталях, еще год был на реабилитации для военных, отправленных в отставку после ранений.

Стал бизнесменом, открыл свой бизнес сначала совместно с партнерами в Дурбане, затем компания расстроилась, и он организовал свою фирму в Претории, куда и переехал с семьей – женой и двумя дочерьми. Рыбным бизнесом занимается последние три года, до этого торговал птицей и мясными продуктами, имеет связи в Кейптауне и Дурбане.

Гости разошлись, довольные друг другом. Любимова успокоили: на шпиона Терри не тянул. Они поселились в отеле «Сапфир», очень приятном во всех отношениях, находящемся в центре Момбасы, но вдали от туристических поселений, всегда шумных и безалаберных.

Для проведения операции Любимову надо было избавиться от мозамбикских матросов и он, списав их и отправив в Мапуту самолетом, что предписывали профсоюзы в подобных случаях замены, набрал новых местных, но подогнанных его партнерами по поставке оружия. Они не будут, может быть, хорошими рыбаками, но зато справятся с перегрузкой груза в море и на рейде Берберы даже в условиях вооруженного противостояния с итальянцами. В нем Любимов не сомневался, но и отступать не собирался.

Кстати, прощание с матросами было хорошим поводом пофотографироваться в порту на фоне любимого судна и не только. В то время ночью подошла яхта какого-то магната с Ближнего Востока, всегда следующая за хозяином на случай, если он вдруг пожелает посетить ее, даже если пользуется самолетом, надо думать, тоже собственным. Современные разводы, затемненные иллюминаторы блестящей на солнце свежей краской морской покорительницы, аккуратно одетый подобранный личный состав из молодых стройных леди производили впечатление на весь порт.

Впрочем, яхта ушла следующей ночью, как и появилась, видимо, хозяин направился дальше путешествовать по миру. В это же время американцы разгружали свою бронетехнику,

так что снимать было что. Пленку Любимов отдал с улетевшими сотрудниками консульства в Найроби после роскошного вечера в гостях у капитана.

С Терри договорились, что следующую поставку судно сделает в Джибути, и тот взял на себя все проблемы оформления визы, в том числе на Любимова.

Непризнанная республика Сомалиленд. Район Африканского Рога

Операция по поставке оружия в северном Сомали прошла успешно. За неделю до оговариваемого срока судно, убрав все опознавательные знаки, перегрузило оружие с проходящего транспорта и той же ночью подошла к берегу

совсем не в районе Берберы, где его, возможно, ждали итальянцы.

Местные рыбаки на джонках быстро сняли ящики, и судно уже утром снова тралило под своими названием и присвоенным номером в разрешенной зоне согласно лицензии. Для местных подобные перегрузы были не редкостью, и за них много платили, поэтому за молчание можно было не беспокоиться. Хотя Любимов не надеялся, что итальянцы ничего не пронюхают, уж очень прочными казались их структуры в этом районе.

Джибути. Район Африканского Рога

Судно было на подходе. Прибывшие накануне Любимов с Терри остановились по просьбе Любимова в гостинице «Байонне», потому что роскошный «Шератон» размещен все-таки за городом, а еще более роскошный «Палас Кемпински» в то время еще не был открыт. В «Байонне» же часто останавливались русские летчики, и Любимов решил подстраховаться на случай лобовой атаки итальянцев. А то, что она будет в том или ином виде, сомнений не было.

Любимову нужен был партнер. Терри не все сказал тогда у капитана про себя, уж очень гладко была получена виза в Джибути. По собственному опыту во время предыдущей командировки Любимов знал, сколько надо было затратить времени и средств, чтобы получить разрешение на въезд. Это не так просто, как, скажем, в другую страну, где иммиграционный служащий на границе просто говорит, что в паспорте отсутствует одна страница зеленого цвета, причем действительно купюра с американским президентом сразу решает все проблемы, и вы по-дружески расходитесь.

Тут даже при наличии всех разрешений он сидел в аэропорту четыре часа, чтобы получить заветное разрешение, причем не было гарантии, что его не отправят обратно на том же самолете, который доставил его в аэропорт Джибути. И он решился. По прибытии судна и доклада капитана Любимов сообщил Терри, что в течение рейса на судно поднимались иностранцы, поговору похожие на итальянцев, и осматривали судно. Люди были вооружены, и капитан боялся, что это пираты. Но, осмотрев судно и не найдя ничего подозрительного для них, вооруженные захватчики ушли. Любимов предположил, что это торговцы оружием из итальянской мафии и что, возможно, они могут продолжить свои преследования уже в Джибути, причем объектами нападения могут быть они с Терри.

Это прозвучало в виде дружеского предупреждения, но достигло внутреннего эффекта у Терри. Все-таки он вышел на торговцев оружием. Терри доложил о сомнениях Любимова в Преторию, там обещали поддержку с привлечением, в случае необходимости, сил французского иностранного легиона, расквартированного в Джибути.

К удивлению Любимова, Терри очень пассивно отреагировал на предупреждения об угрозе итальянцев, и Любимов даже засомневался в правильности своего вывода о принадлежности Терри к спецслужбам. А Терри, наоборот, ждал развертывания событий, чтобы наконец взять мерзавцев, снабжающих оружием сепаратистов и просто бандитов. Ему уже порядком

надоел этот рыбный бизнес, к тому же совсем не приносящий прибыли из-за высоких цен, по которым приходилось перекупать морепродукты у русских.

Не находя видимой поддержки у Терри, Любимов решил форсировать отъезд из Джибути. Он перебронировал билеты, заплатил портовому агенту за услуги по отправке судна в рейс и поставил Терри перед фактом своего отъезда в аэропорт. Терри решил поупираться, но именно в это время появились они. Опять неожиданно и опять вооруженные. Стрельбу итальянцы открыли без предупреждения прямо в отеле, как только увидели объект атаки. Любимову с Терри с большим трудом через балкон удалось выпрыгнуть на улицу и сразу же остановить микроавтобус.

Особо уговаривать араба за рулем следовать в аэропорт быстро, как только можно, не пришлось, ибо пули уже достигли окон автомобиля, и стекла со звоном попадали на сидения и пол. Преследователи не отставали, что было удивительно, потому что в хаосе городского движения надо быть местным профи, чтобы разобраться, кто кому в данный миг уступает, а кто несется без остановки. Итальянцы были хорошими профи в широком смысле.

Терри отстреливался непонятно откуда взявшимся пистолетом. Гонка достигла апогея, и теперь уже было одинаково не выбраться что от пули, что от неминуемой аварии в дорожном столпотворении. Связаться по телефону с просьбой о помощи возможности не было, сигнал все время пропадал.

Итальянцы отстали перед самым аэропортом. Это было чудом. Надо было видеть шофера-араба в аэропорту, когда полностью загорелое лицо становится абсолютно белым. Что-то случается с пигментацией, наверное. Такое лицо Любимов видел до этого только однажды, когда нашли унесенных на плотике в океан рыбаков, причем тоже случайно те зацепились за не существующую на карте отмель.

Восточная Африка. Перелет Джибути-Найроби

В аэропорту Джибути Терри наконец связался с Преторией и доложил о происшедшем, их обещали встретить в Найроби, куда направлялся рейсовый самолет. О чем он еще говорил, Любимов не слушал, он просто наслаждался, что еще жив.

Виски «Джон-пешеход», купленные в аэропорту, помогли расслабиться на борту. Внезапно он увидел Эсперанто. Тот спокойно и уверенно шел по проходу к креслу, где сидел Любимов. «Вот почему отпустили, – промелькнуло в мозгу Любимова, – поугагать решили. Теперь будут дожимать. В самолете не убьют, но в Найроби уйти не дадут». Он толкнул Терри: «Сейчас подойдет глава мафии, будь готов». Откуда Любимов знает главаря мафии, Терри не спросил, он уже понял, что Любимов ему не все рассказал в Джибути.

Терри засунул руку в карман за пистолетом как раз в тот момент, когда Эсперанто поравнялся с рядом Любимова, Александр сидел у окна и между ними был Терри. На Терри итальянец не обращал никакого внимания, он его не знал, его целью был Любимов. Все произошло, как в боевике. Терри скрутил мерзавца. Подоспевший сопровождающий сотрудник помог надеть наручники. Все прошло на редкость удачно.

В Найроби Эсперанто отвезли по назначению, а Любимову пришлось объяснять Терри, что Эсперанто он узнал не по своей воле, что тот давил на него, заставляя заниматься прикрытием поставок оружия итальянцами, чему Любимов всячески противился. Доказательством неприятия Любимовым условий Эсперанто и была перестрелка в отеле и по дороге в аэропорт в Джибути. Он подробно описал все встречи, прошедшие якобы в Найроби и Момбасе, дал письменные показания против Эсперанто лично и всех, кого знал из его окружения. Его отпустили в Мапуту, дав неделю, чтобы собраться и покинуть Южную Африку навсегда. К тому времени фотографии были сделаны, оценены, и Любимов действительно улетел в Москву на повышение. Неожиданно и вовремя.

ЮАР Претория

Терри застрелили через месяц после ареста Эсперанто. Мотоцикл с убийцей догнал его автомобиль на перекрестке, когда он стоял на красном свете. Стреляли в упор, шансов на спасение не было.

Гвинея-Биссау. Западная Африка

На севере Гвинеи-Биссау шла военная операция, война, другими словами. Территория на границе с Сенегалом в районе Казаманса всегда была немирной. Сепаратисты, или повстанцы, как бы их ни называли разные стороны, не сдавались и дерзкими нападениями создавали порой критическую ситуацию для властей. Бои охватывали большую территорию, вплоть до реки Кашеу, что на севере Гвинеи-Биссау, с юга и доходили чуть ли не до границы Сенегала с Гамбией на севере. Канонада стояла оглушительная, кроме авиации были задействованы все рода войск, в том числе моторизованные части регулярных войск.

Обе стороны испытывали дефицит оружия. Разница в том, что регулярные войска могли получить необходимое оружие по официальным правительственным каналам и через соответствующие организации легальным путем, а повстанцы, или сепаратисты, могли рассчитывать только на нелегальные поставки. И хотя предложений было много от различных мафиозных кланов, но правительственные войска располагались так, что проскочить незамеченным было непросто, и дело стопорилось.

Любимов был послан в Кашеу, небольшое селение, имеющее причал, под видом рыболовного представителя для изучения якобы рыбного рынка. Конечно, никакого рынка там и в помине быть не могло, местные рыбаки вполне успешно снабжали жителей необходимым количеством рыбы, так что лишняя рыбопродукция не могла иметь спрос, даже если бы задействовать мощности построенной недавно испанцами рыбоперерабатывающей фабрики. Впрочем, и фабрика работала на местной воде, что не позволяло выходить с ее продукцией на европейский рынок. Требовались бы огромные затраты на очистительные сооружения, дороги, холодильные камеры, топливный терминал, ледогенераторы и т. д., что экономически не имело никакого смысла.

Единственное, что привлекало Любимова, так это то, что река не чистилась отродясь и пройти по ее руслу из-за песчаных наносов дна могли лишь малые суденышки, да и то только снабженные приборами. Это давало шанс использования пирога для провоза оружия вглубь территории практически бесконтрольно. Подход с моря мог быть прикрыт обычной морской практикой сбора головоногих с местных лачуг, никто бы не обратил на это внимания.

После разгона китайского флота, орудующего на побережье без лицензий, и ареста нескольких судов креветколовов местные власти ослабили фискальный контроль, и этим надо было срочно воспользоваться. План поставки Любимов согласовал с Михайлиным, так что тот уже мог договариваться конкретно о количестве и видах поставляемого оружия.

Гамбия. Западная Африка

Встреча была назначена в Лас-Пальмасе, но партнеры перенесли ее в Банжул в последнюю минуту. Гамбия встретила Михайлина тропическим ливнем, переходящим в пекло, влажность была стопроцентной. Официально он прилетел в Гамбию для переговоров с местными, вернее, ставшими местными европейцами, снабжающими продовольственными товарами чуть ли не половину рынка страны. Поселился в гостинице на берегу Атлантического океана с бассейном и приличной кухней, это тоже по совету своих официальных партнеров, чтобы не при-

влекать лишнего внимания. В Сенегамбии, загородном районе Банжула, таких отелей множество, туристов там любят и стараются угодить, опыт работы с европейцами богатый. Интересно наблюдать с самолета, пролетая ночью над Банжулом, как в совсем непроглядной африканской темноте освещены две улицы, соединяющие с двух сторон аэропорт и сам город с районом отелей, растянутым в оба конца на 10—15 километров.

Мавр, согласившийся поставить оружие Михайлина, был лет тридцати, ухоженный, с тонкими чертами лица и звали его Инджай. Официально он занимался торговлей рыбопродукцией и был бы вне подозрений, появившись в том районе.

Встретились они в гостинице Михайлина на ресепшене и прошли в бар, заказали креветки под майонезом, заправленные авокадо, прелестный местный деликатес. Михайлин добавил пива, гость воды. Жара спала, легкий бриз обдувал волосы, красивый закат вырисовывался прямо над перегородкой, отгораживающей бар от пляжа отеля. Михайлин отметил про себя краски заката, глаз невольно задержался на переливании красного и розового цветов, отраженных от различных облачных слоев и спадающих в темнеющий зеленовато-синий океан. Недалеко говорят, что закаты красивее всего над Атлантикой, а восходы в Тихом океане.

Натренированный спасатель бродил вдоль пляжа в ожидании купальщиков, коих он сопровождал всегда, готовый прийти на помощь, если вдруг прибрежное течение или отлив поймут в свои объятия отдыхающего клиента. С заходом солнца купание запрещалось, и на мачте, стоящей у входа на пляж с территории отеля, вывешивался флаг и ставился щит, предупреждающий, что с этого момента администрация отеля не несет ответственности за последствия ночного купания и все претензии теперь только на свой счет.

Гамбия – англоязычная страна, поэтому с Инджаем говорили на французском, но местами переходили на португальский, чтобы уточнить цифры. Цену согласовали быстро, гость не особо был настроен на торги, и Михайлин сразу понял это, так что пришлось принять предложение мавра. Впрочем, это было не принципиально, важнее было, чтобы поставка состоялась. Тогда это показало бы, что русские могут то, что не под силу другим кланам.

Проводив гостя, Михайлин заказал еще пива. Много пить было нельзя, наутро официальные партнеры пригласили на партию в теннис в местном теннисном клубе, и надо было быть в форме. Пригласили на выбор поиграть в гольф или теннис. Михайлин выбрал теннис, поскольку гольф еще был в диковинку, а в теннис он научился играть еще в эпоху первого российского президента. Прошедший разговор подводил итог долгой подготовки, и приближение развязки щекоотало нервы.

Удача – и будущее представлялось долгим и сытным в Соединенном Королевстве или во Флориде, ну а о провале и речи быть не могло, с него и так уже довольно провалов. Он прокручивал в уме нюансы предстоящей операции. План был прост. Любимов контролировал подход судна к устью реки, пироги мавра подходили к борту и далее шли с продукцией вглубь территории. К моменту подхода в район выгрузки Любимов должен был встретить груз на месте и передать его непосредственно заказчику.

Дорога Биссау (Гвинея-Биссау)-Зигиншор (Сенегал). Западная Африка

У Любимова был довольно солидный опыт африканской жизни, тем более в Гвинее-Биссау он уже работал около года раньше и знал особенности страны. Но здесь требовалось работать в глубинке, и для этого он несколько раз совершил проверочные рейсы из Биссау в Банжул (Гамбия) на маршрутных такси. Дорога проходила через сенегальский городок Зигиншор, где происходила смена маршруток.

Семь пассажиров плюс водитель в обыкновенном пикапе, все путешествие занимало около шести часов, но бывали и задержки. Паром через одну из речек был не совсем исправен,

и ходка занимала около трех часов в обе стороны. Так что если опоздал на паром, то приходилось отдыхать под палящим солнцем, кондиционеров не было предусмотрено.

В один из таких вынужденных простоев, когда он был в окружении одних африканцев, не обращающих на него, впрочем, никакого внимания, обыкновенного загорелого неафриканца, коих в бывших колониях осталось довольно много то ли от нежелания менять свое местожительство (триста лет – это много), то ли не нашедших себя в Европе и возвратившихся на родину своих предков, и ждал, когда же с парома наконец съедут пришедшие автомобили, всего-то десять от силы и помещалось, он увидел ооновскую машину. За рулем сидел седоватый мужчина около пятидесяти лет, стекла задраены, «Ланд Ровер» был с кондиционером.

Любимов почему-то сравнил себя мысленно с этим водителем. Сравнение было явно не в пользу Любимова. Но от этого признания своей полной несуразности в глубине африканского континента или от жары, уже допекшей и без того замученного душной дорогой, вид у Любимова был очень впечатляющий. Водитель-ооновец остановился, опустил стекло, очень пристально посмотрел на Любимова и молча поднял руку в знак приветствия. Так, наверное, встречаются люди, пережившие тяжелый бой. Слова были бы лишними, взгляд говорил обо всем.

Их пути разошлись, но впечатление от встречи осталось в душе. И хотел бы он еще раз встретить того европейца, хотя это и было бы лишним с профессиональной точки зрения.

Но паром мог и сломаться, тогда альтернативой была пирога, стоящая тут же и ожидающая именно такого часа. Набивалось в нее под завязку, так что борт был всего на десять сантиметров выше воды, и любая волна от даже слабого ветерка вполне могла захлестнуть пирогу. Может быть, только плотно сидящие тела не дали бы проникнуть воде в самую пирогу, на это и был расчет ее хозяина. Так или иначе, Любимов был готов к выполнению поставки первой партии.

Москва. Россия

Михайлину было о чем подумать. Вчера на него вышли американцы и предложили в обмен на провал поставки оружия сепаратистам в Сенегале довольно большую сумму, достаточно большую, от такой не отказываются. Он пытался понять, как они узнали.

Инджяй исключался, он сам участвовал в операции и рисковал больше других, а в случае провала живым бы не ушел. Любимов также был вне подозрений, уж очень долго они друг друга знали по жизни, включая работу в Госнарконтроле. К тому же перспектива, открывавшаяся перед Любимовым в случае успеха, никак не настраивала на предательство.

Он вспомнил, как в баре во время разговора в Банжуле обратил внимание на испанскую семью, играющую с ребенком в мяч на площадке около бара. Тогда еще малыш неудачно пнул мяч, и Михайлин поймал его, подошла мать, поблагодарив, взяла мяч и ушла. Ничего необычного, если только она не поставила жучок около стола, за которым сидели они с Инджяем.

Но испанцы в Банжуле – дело обычное. Одна туристическая фирма в Лас-Пальмасе даже открыла маршрут Барселона – Лас-Пальмас – Банжул специально для любителей экзотического отдыха. Наверное, не обошлось и без специальных сексуальных линий развлечений, но это Михайлина заботило уже мало. С ним уже давно творилось что-то малоприятное для жизни мужчины, а несколько неудач подряд привели к эффекту неверия в свою сексуальность. Московские проститутки, конечно, могли поднять и неподъемное, но в обычной жизни ничего не получалось, отчего с женой уже возникали трения. Он обращался к врачу, но лечение проходило вяло и результата не было. Виагра и та вызывала только раздражение и поднимала давление, вместо того чтобы радовать настроением и внушать уверенность в себе.

Оставив неприятную тему, он все-таки анализировал, как же американцы разнюхали об операции. Второй вопрос, и он главный: как уйти с такими деньгами. Понятно, что в семью он не вернется. Оставит жене и детям по миллиону, детям по достижении 16-летнего возраста. Необходимое распоряжение своему заместителю он уже написал. Билет до Барселоны должны были принести в течение часа, виза была не нужна, поскольку он был владельцем домика в Нюрнберге и имел вид на жительство в Шенгенской зоне Европы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.